И дальше, дальше:

Как землю где-нибудь небесный
камень будит,
Упал опальный стих,
не знающий отца.
Неумолимое — находка
для творца —
Не может быть другим,
никто его не судит.

Опальный стих, значит, по составу этот камень — опал цвета неба средней полосы, кремень со скрытокристаллической структурой. «Не знающий отца» — не ищите автора, кто-то должен был написать эти стихи. Кремнем стал человек, когда-то испугавшийся есаула.

В феврале, когда шёл пленум, развязавший террор, пушкинские дни, столетие гибели поэта. Никакой фальши Мандельштам не терпит. На выставке он закатил скандал — в тексте на стенде опущены строчки Лермонтова:

Но есть, есть божий суд,
Наперсники разврата…

А в Воронеже уже составляются статьи-приговоры, спайки «фамилий чёртовых» вроде «Стеффен — Айч — Мандельштам». «Классовым врагом» назван он в статье Ольги Кожуховой. Через много лет она пришла к Надежде Яковлевне просить прощения. Та болела, уже не поднималась; попросила Ольгу спеть «Слети к нам, тихий вечер», подарила ей точёные деревянные бусы работы Волошина. Но самый большой подарок — она дала Ольге прочитать стихи Осипа об её милом сыночке.

Срок ссылки закончился, и Мандельштамы отправились в Москву. Осип попросил хромоножку переписать все стихи в три голубых блокнота. Сказал: «Это любовная лирика. Это лучшее, что я написал. Поцелуйте меня». Потом Ахматова кричала: «Посвятить такие стихи какой-то Наташе!»

Он прощается с камскими песками:

Песка слоистый нрав
На берегах зубчатой Камы…

С Францией прощается:

Я молю как жалости и милости,
Франция, твоей земли
и жимолости…

Осипа и Надю выбросили из московской квартиры. Их сторонились: «И люди изменились — все какие-то поруганные». Но оставались Виктор Шкловский, Харджиев, чтец Яхонтов. Волошин, будь жив, приютил бы их. Катаев дал денег, накормил, подарил серый костюм. В Москве жить запрещено. Осип Эмильевич стоял у окна, запрокинув голову, руки раскинув, как крылья. «Не пора ли?.. Давай… Пока мы вместе…»

Потом сказал: «Нет, живи, пока можно, а там видно будет».

Он ездил в Ленинград побираться. Хохотал с Ахматовой. В зале ожидания стояла пальма. Осип повесил на неё свой узелок и сказал: «Странник в пустыне». Он пишет оду Сталину, стансы. В этой пустыне он хочет спасти Бухарина — вместе они спасут самого Сталина. Не Сталина он просит, а Джугашвили, потому что Сталин «не может быть другим, никто его не судит». Осип так верит в Слово — он такие стихи напишет, что все всё поймут! В конце концов, у них имена одинаковы!

Уже написаны «Стихи о неизвестном солдате» — он увидел «небо крупных оптовых смертей» — и ахматовский луч, луч надежды.

Измученный человек просит помощи у ласточки:

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать…

Осип Эмильевич ещё чего-то добивается, попадает на приём к писательскому секретарю Ставскому. Тот пишет донос Ежову. К нему приложен отзыв о стихах, подписанный Павленко: «Язык стихов сложен, тёмен и пахнет Пастернаком». Угадано в «Четвёртой прозе»: «С собачьей нежностью смотрят на меня глаза писателей и умоляют: «Подохни». Мандельштамам выписали путёвку в дом отдыха Черусти. Те ничего не уразумели, а Фадеев понял, что это гибель: дом отдыха не писательский и далеко от Москвы. Он проехал с ними на машине по Москве и на прощанье расцеловал Осипа.

Взяли Осипа Эмильевича в ночь на 3 мая 1938 года. У него забрали чемоданчик, наволочку, чаплинскую трость, галстук, помочи, воротничок. Корзинку с рукописями Надя спасла.

Он родился на третий день нового года в Варшаве, а умер за три дня до нового года на Второй речке — ровно через тринадцать лет после смерти Есенина. Судьба перенесла его из начала в конец года, из конца в конец державы.

— Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю… Это я, Надя. Где ты?

— Родная Наденька, не знаю, жива ли ты, голубка моя…

До последнего за ним ухаживал сосед Иван Никитич, пасечник. Метель налетела на Владивосток. Мастер умер на четвёртые сутки пурги.

Я лежу в земле, губами шевеля…

Тело его лежало на улице, ожидая погружения в крепостной ров. Мародёры рвали золотые штифты.

Когда-то Осип просил Ахматову:

Сохрани мою речь навсегда
За привкус несчастья и дыма…

И она ответила ему — стихи напечатала в войну «Правда»:

И мы сохраним тебя, русская речь…

Пауза — и твёрдо:

Навеки…

***

Музыкальная фраза «Поэмы без героя» пришла к Ахматовой в годовщину его смерти — она даже бросилась стирать бельё, чтобы прогнать, но шум не уходил — шум времени, шум жизни. В феврале 1934-го на Пречистенке Осип сказал ей: «Я к смерти готов». Она взяла эти слова в «Поэму без героя». Прочитала Борисику свои стихи «И упало каменное слово». Он сказал: «Теперь и умереть не страшно».

Надежда Мандельштам не расставалась с чёрным фанерным чемоданчиком со стихами мужа. Ахматова сказала ей: «Надя, вы — единственное, что у нас осталось от Осипа».

В 1956 году с Мандельштама снимут обвинение в «нарушении паспортного режима». Пройдёт ещё 20 лет, прежде чем будет окончательно закрыто дело 1934 года.